

НИЖНИЙ НОВГОРОД В XIII–НАЧАЛЕ XIV в.: ГОРОД И ОКРУГА ДО ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЛИКОГО НИЖЕГОРОДСКО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА

© 2022 г. Н. Н. Грибов*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: nnhora@yandex.ru*

Поступила в редакцию 04.02.2021 г.

После доработки 04.02.2021 г.

Принята к публикации 01.06.2021 г.

В статье обобщены археологические данные о Нижнем Новгороде и памятниках его сельской округи до середины XIV в. Выделен инвентарь, исчезающий из местного обихода к этому хронологическому рубежу. Результаты его картирования свидетельствуют о заметном росте городской селитебной территории за пределами стен крепости 1221 г. и сложении основных районов сельского расселения в городских окрестностях еще до передачи города во владение суздальским князьям. Многие из крупнейших сельских поселений эпохи Нижегородско-Суздальского княжества были основаны еще в XIII–начале XIV в. Археологические данные свидетельствуют о заметном росте населенности края уже в первом столетии после основания Нижнего Новгорода. Высказано предположение о решающем значении формирования в середине XIII в. новой системы международных коммуникаций на развитие города в устье р. Ока.

Ключевые слова: район устья р. Ока, Волго-Окское правобережье, Нижний Новгород, освоение городской территории, сельская округа, эпоха Золотой Орды.

DOI: 10.31857/S0869606322010068

Нижний Новгород – один из немногих городов, дата основания которых зафиксирована в летописи (Полное собрание..., 1997. Стб. 445). В 2021 г. ему исполнилось 800 лет. Подъем города, заложенного великим владимирским князем Юрием Всеволодовичем за пределами давно освоенной Владимиро-Суздальской земли – в устье р. Ока, пришелся на послемонгольское время. В середине XIV в. город становится столицей великого княжения – одного из трех, претендовавших на лидерство в Северо-Восточной Руси. Краткий период политической независимости великого Нижегородско-Суздальского княжества (до 1392 г.) нашел отражение в местном летописании (Грибов, 2018а. С. 27, 28). По летописным сведениям Нижний Новгород предстает как развитый административно-политический центр, в котором одновременно с Москвой были начаты монетная чеканка и строительство каменного кремля. К 1377 г. в городе насчитывалось не менее 32 церквей, что позволяет представлять масштаб его территории в это время. Неслучайно некоторые исследователи приписывают заслугу в возрождении Нижнего Новгорода после монгольского завоевания исключительно суздальским князьям (Сахаров, 1959. С. 66; Пресняков, 1998. С. 181). Вместе

с тем начальный период истории Нижнего Новгорода – предшествующий обретению статуса великокняжеской столицы – крайне скупо отражен в источниках. За 100-летний промежуток после Батыева нашествия город в устье Оки упоминается в четырех летописных статьях (Пудалов, 2004).

Историки по-разному оценивают динамику развития Нижнего Новгорода до середины XIV в. Опираясь на перечень городов Владимирской епархии 1274 г., В.А. Кучкин пришел к выводу о превращении Нижнего Новгорода уже к этому времени в третий по значимости город Владимиро-Суздальской Руси (Кучкин, 1984. С. 124). В качестве важнейшего фактора роста автор указал на поволжскую торговлю. Б.М. Пудалов, изучивший историю текста сообщения 1274 г., обнаружил, что упоминание Нижнего Новгорода в нем – вставка редактора свода 70-х годов XV в., из чего следует обоснованность заключения о возросшей роли города в последней четверти XIII в. (Пудалов, 2004. С. 135, 136). Не подтверждается источниками, по мнению исследователя, и использование Волжского пути для взаимовыгодного товарообмена между Западом и Востоком в этот период (Пудалов, 2004. С. 135, 136, 238).

Привлечение археологических данных позволяет высказать несколько соображений в русле намеченной “заочной” дискуссии. Настоящая статья представляет собой обобщение археологических материалов Нижнего Новгорода и памятников его округи на период, предшествующий образованию великого Нижегородско-Суздальского княжества. Ее цель — получение новых данных о развитии территории города в окском устье и его окрестностей до середины XIV в.

В настоящее время общая площадь раскопов в Нижнем Новгороде, материалы которых переданы в архив ИА РАН, составляет около 15000 м²; более чем на 300 строительных площадках проведены наблюдения (очерк истории изучения памятника см. Грибов, 2018а. С. 15–20). Охват исторического центра плотной сетью раскопов, шурфов и объектов археологических наблюдений создает хорошую предпосылку для изучения развития городского пространства (Грибов, 2018а.

Рис. 1, 3*–5*)¹. Необходимое условие реализации такого исследования — хронологическая дифференциация археологического инвентаря. Решение этой задачи осложняется отсутствием изученных участков со стратифицированным “мокрым” слоем средневекового времени, повсеместным нарушением целостности культурных отложений в условиях живущего города. Непрерывность освоения городской территории, очевидно, является главной причиной крайней малочисленности известных нижегородских комплексов XIII в.

Периодизация нижегородского средневекового инвентаря намечена при разработке хронологии посудной керамики (Грибов, 2006). Первый этап эволюции традиционного набора местной посуды, датированный второй четвертью XIII — началом XIV в., в целом соответствует “достойному” периоду. Комплексы этого времени, как правило, сопровождаются вещевым инвентарем, повсеместно выходящим из обихода в XIII–первой половине XIV в. Эти находки могут служить маркером освоения территории Нижнего Новгорода и его сельской округи на период, предшествующий политическому оформлению “Суздальского Поволжья” (Пресняков, 1998. С. 180).

Соответствующий инвентарь выделен по коллекциям музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, отчетам архива ИА РАН и находкам из раскопок последних лет, материалы которых находятся еще на стадии первичного изучения. По функциональному назначению он разделяется на несколько групп.

Бытовой инвентарь. *Замки и ключи железные* (рис. 1А, 1–5): ключи — от навесных замков типов

А (1 экз.: НН № 37)² и Б (5 экз.: НН № 2, 3, 10, 36; БК-1)³, сундучные (3 экз.: НН № 19 (2 экз.), 22); навесные замки типа Б (3 экз.: НН № 18, 19; К-2)⁴, детали от нутряных комбинированных замков второго варианта (1 экз.: БК-1). Распространение указанных типов не выходит за пределы середины XIV в. (Колчин, 1982. С. 160–162; Лапшин, 2009. С. 93; Кудрявцев, 2012. С. 121, 124).

Кресала железные (рис. 1А, 6): двулезвийные овальные заостренные с округлыми отверстиями по краям внутреннего выреза (2 экз.: НН № 10, 36). Выходят из употребления в первой половине XIV в. (Колчин, 1982. С. 163. Рис. 4).

Пряслица шиферные (3 экз.: НН № 26, БК-1, П-3)⁵, как и все изделия из овручского пирофиллита, в Великом Новгороде исчезают к концу XIII в. (Колчин, 1982. С. 174), в Твери — в первой половине XIV в. (Лапшин, 2009. С. 124).

Украшения из цветных металлов. *Височные кольца* представлены двумя типами: проволочными перстнеобразными (16 экз.: НН № 16, 19, 30, 33, 32, 37; Бш-3, МК (4 экз.), МС (5 экз.); рис. 1Б, 18, 19)⁶ и “кудрявыми” (или кольцами с ажурной муфтой; 5 экз.: НН № 15, 18, 19; Бш-3; МС; рис. 1Б, 16, 17). Оба типа известны в слоях русских городов, датируемых до середины XIV в. (Седова, 1981. С. 13, 16; Лапшин, 2009. С. 96, 97).

Подвески с шумящими привесками — четыре изделия, известные по памятникам поволжских финнов (4 экз.: НН № 7 (2 экз.), МС, БК-1) и 1 экз.: НН № 37) — характерны для периферийных городов Северо-Восточной Руси (Рябинин, 1981. С. 23, тип VIII). Последнее из перечисленных предметов представляет собой двуглавую прорезную подвеску с изображением двух петушиных голов (рис. 1Б, 2), известную по памятникам XI–XIII вв. Финские украшения известны в женских уборах трех поволжско-финских народов, упоминаемых Начальной летописью в качестве субстратного населения района окского устья. В марийских могильниках XI–XIII вв. найдены подвески с треугольным щитком из шести соприкасающихся колец (рис. 1Б, 1) (Архипов, 1986. Рис. 24, 8, 9; 26, 2, 3) и очковидные подвески (рис. 1Б, 5) (Архипов, 1986. Рис. 26, 6). Бутыльчатая подвеска с лапчатыми привесками известна по памятникам мордвы (рис. 1Б, 4) (Мартьянов, 2004. Рис. 181, 2, 4), подвеска с прямоугольным ажурным щитком (рис. 1Б, 3) — по муромскому

² НН № 36 — Нижний Новгород, номер места находки см. по рис. 4.

³ БК-1 — селище Ближнее Константиново 1.

⁴ К-2 — селище Копнино 2.

⁵ П-3 — селище Подвязье 3.

⁶ Бш-3 — поселение Бешенцево 3; МК — могильник Копнино 1; МС — могильник у больницы им. Н.А. Семашко.

¹ Звездочками в издании отмечены рисунки на цветной вклейке.

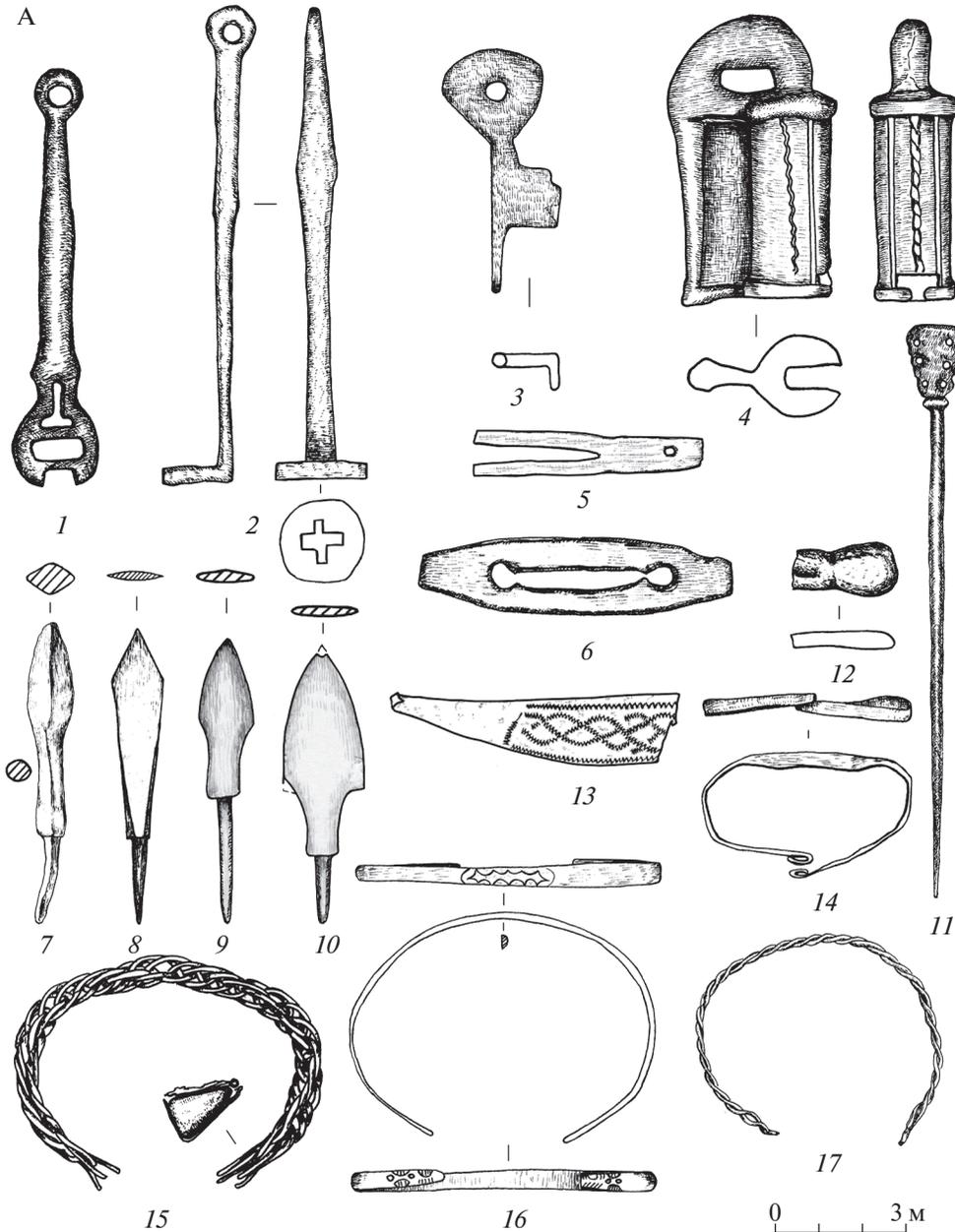

Рис. 1. Наиболее ранние находки из Нижнего Новгорода и памятников его округи. А: 1–3 – ключи; 4 – замок; 5 – пружина от внутреннего комбинированного замка; 6 – кресало; 7–10 – наконечники стрел; 11 – писало; 12–17 – браслеты и их фрагменты. Железо (1–11); бронза (12–17). Нижний Новгород: 1, 14, 16 – раскоп Т.А. Марьёнкиной 2019 г.; 2 – раскоп В.Ф. Черникова 1973 г.; 3, 4, 9, 10 – раскоп В.А. Лапшина 2001 г.; 6, 11 – раскоп Н.Н. Грибова 2018 г.; 7 – раскоп Н.Н. Грибова 1999 г.; 8 – раскоп В.Ф. Черникова 1964 г.; селище Ближнее Константиново 1 (5, 17); селище Крутец 1А (12); поселение Бешенцево 3 (13); могильник Копнино 1 (15). Б: 1–5 – подвески с шумящими привесками; 6 – звено от цепочки; 7, 8 – крестоспиральные привески; 9 – нательный крест; 10–13 – перстни; 14, 15 – подвески-бубенчики; 16–19 – височные кольца; 20–23 – бусины. Бронза (1–19); стекло (20); камень: 21 – шифер; 22 – горный хрусталь, 23 – сердолик. Нижний Новгород: 1, 3 – раскопы Т.В. Гусевой 1989 г.; 2, 14, 15, 19, 21 – раскоп Т.А. Марьёнкиной 2019 г.; 8 – раскоп В.А. Батюкова 2011 г.; 9 – раскоп В.А. Лапшина 2001 г.; 16 – шурф Н.Н. Грибова 1997 г.; 22 – раскоп С.В. Долгополова 2016 г.; 23 – раскоп В.Ф. Черникова 1977 г.; селище Ближнее Константиново 1 (5); могильник у больницы Н.И. Семашко (4, 7); селище Подвязье 4 (6); поселение Доскино 10 (10); поселение Подвязье 1 (11); могильник Копнино 1 (13); поселение Бешенцево 3 (12, 17, 18, 20).

Fig. 1. The earliest finds from Nizhny Novgorod and sites in its vicinity (А, Б)

Рис. 1. Окончание.
Fig. 1. Ending

Корниловскому могильнику (Бейлекчи, 2005. С. 168. Рис. 14, 6).

Подвески представлены литыми бубенчиками с линейной прорезью (рис. 1Б, 14, 15) и кресто-спиральными изделиями (рис. 1Б, 7, 8). Использование зафиксированных типов бубенчиков — шаровидных (3 экз.: НН № 24, 37; МС) и грушевидных с тройным линейным пояском (2 экз.: НН № 35, 37) прекращается во второй половине XIII — начале XIV в. (Седова, 1981. С. 156). Крестоспи-

ральные подвески (3 экз.: НН № 28, Д-10, МС)⁷ характерны для домонгольских памятников Верхней Волги и Русского Севера (Захаров, 2004. С. 58, 172, 173).

Звено от цепочки (рис. 1Б, 6) — литое по восковой модели 8-видное с петлями, лежащими в перпендикулярных плоскостях (1 экз.: П-4)⁸.

⁷ Д-10 — поселение Доскино 10.

⁸ П-4 — селище Подвязье 4.

Рис. 2. Ранние предметы импорта из Нижнего Новгорода: медные пулы Золотой Орды (1, 2); фрагменты кашинного (3) и керамического (4) сосудов. 1, 2 – раскоп Т.А. Марьёнкиной 2019 г.; 3 – раскоп Н.Н. Грибова 2018 г.; 4 – раскоп Н.Н. Грибова 1999 г.

Fig. 2. Early imported items from Nizhny Novgorod: copper pula coins of the Golden Horde (1, 2); fragments of Kashi (3) and ceramic (4) vessels

Браслеты представлены следующими типами: пластинчатые загнутоконечные (рис. 1А, 13, 14; 4 экз.: НН № 26, 36; Бш-3, МС), узкомассивные (рис. 1А, 16; 3 экз.: НН № 36, 37; БК-1), литые овальноконечные (рис. 1А, 12; 1 экз.: К-1А)⁹, витые двойные (рис. 1А, 17; 2 экз.: БК-1), плетеные с треугольными стеклянными вставками на концах (рис. 1А, 15; 1 экз.: МК). Распространение всех перечисленных типов заканчивается преимущественно в XIII в. (Седова, 1981. С. 97, 102, 103, 112–114).

Перстни: рубчатые (рис. 1Б, 13; 4 экз.: НН № 5, 19, 23; МК), пластинчатый широкосрединный (рис. 1Б, 10; 1 экз.: Д-10), щитковосрединный с круглым гладким щитком (рис. 1Б, 11; 1 экз.: П-1)¹⁰; щитковосрединный с квадратным щитком, орнаментированным косым крестом (рис. 1Б, 12; 1 экз.: Бш-3). Первые три типа были широко распространены в XI–XIII вв.; единственный аналог третьего – изделие из слоя XIII в. Великого Новгорода (Седова, 1981. С. 136. Рис. 51, 6).

Бусины – удлиненные бипирамидальные из сердолика (рис. 1Б, 23; 1 экз.: НН № 4) и горного хрусталя (рис. 1Б, 22; 1 экз.: НН № 34), из горного

хрусталя – эллипсоидные (1 экз.: К-2) и крупные шарообразные (3 экз.: Бш-3 (2 экз.), П-1), удлиненная граненая из овручского шифера (рис. 1Б, 21; 1 экз.: НН № 37); стеклянная мозаичная, изготовленная в технике миллефиори (рис. 1Б, 20; 1 экз.: Бш-3); стеклянные зонные фиолетовые (1 экз.: П-3). Указанные изделия из камня, как правило, находят в древнерусских курганах и домонгольских напластованиях русских городов (Полубояринова, 1991. С. 34, 36, 38). Мозаичные египетские бусины “миллефиори” характерны для раннего средневековья, в древнерусских городах известны их единичные находки (Кузина, 2007. С. 131, 132). Прозрачные зонные бусины из фиолетового стекла в Великом Новгороде происходят из слоев 1116–1268 гг. (Шапова, 1956. С. 169).

Предметы личного благочестия – нательные кресты с шарообразными окончаниями лопастей (рис. 1Б, 9; 3 экз.: НН № 19, Бш-3, МС), исчезают во второй половине XIII в. (Лесман, 1990. С. 66).

К предметам письменности относится железное стило с вытянутой фигурной лопаточкой треугольной формы с зубчатым обрамлением по кромке (рис. 1А, 11; 1 экз.: НН № 36). По стилистике оформления оно близко к типам 4 и 11 писала Великого Новгорода, исчезающим к концу XIII в. (Медынцева, 1997. С. 150, 151).

⁹ К-1А – селище Крутец 1А.

¹⁰ П-1 – поселение Подвязье 1.

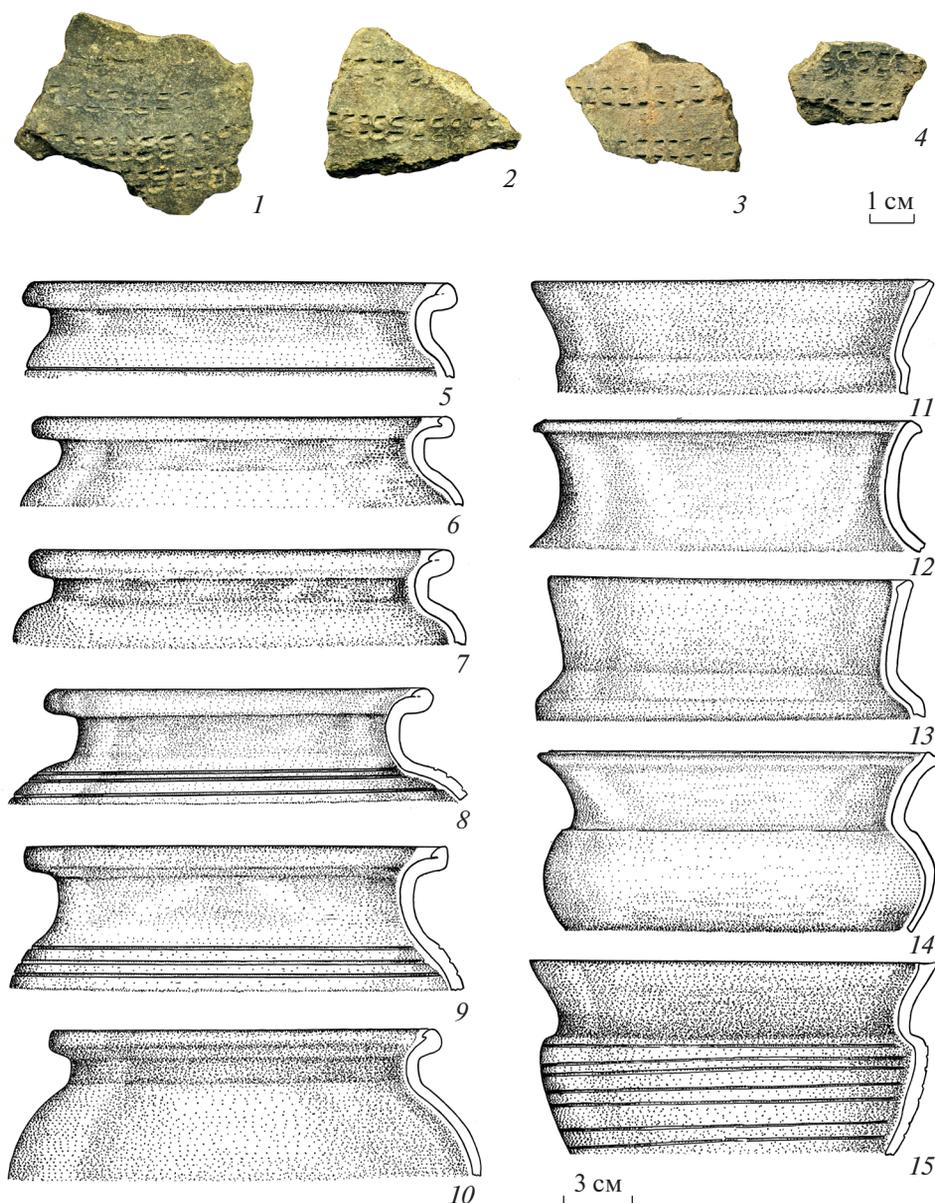

Рис. 3. Керамика XIII в. из Нижнего Новгорода. 1–4, 9, 12 – район храма Симеона Столпника (раскопки Н.Н. Грибова и А.И. Письмаркиной 2018, 2019 г.); 5, 14 – пл. Театральная (раскопки И.О. Ерёмина 1997 г.); 6 – пер. Крутой (раскопки Н.Н. Грибова 1999 г.); 7, 13 – у храма Михаила Архангела в кремле (раскопки В.Ф. Черникова 1973 г.); 8, 10, 11 – у Часовой башни в кремле (раскопки Т.А. Марьёнкиной 2019 г.); 15 – ул. Ульянова, 6 (шурф Н.Н. Грибова 1997 г.).

Fig. 3. Pottery of the 13th century from Nizhny Novgorod

Предметы вооружения состоят исключительно из железных наконечников стрел, характерных для домонгольских памятников (рис. 1А, 7–10). По слову А.Ф. Медведева это типы 32 (1 экз.: НН № 19), 33 (3 экз.: НН № 19), 52 (2 экз.: НН № 2, 19), 84 (3 экз.: НН № 18, 19; БК-1) (Медведев, 1966. С. 62, 63, 69, 70, 81, 82).

Монеты представлены двумя находками (2 экз.: НН № 37). Их атрибуция выполнена канд. ист. наук П.Н. Петровым. Наиболее ранняя – медная монета Монгольской империи (рис. 2, 1),

выпущенная в г. Болгар от имени каана Мунке (1251–1259) (вес 2.63 г; Бугарчев, Петров, 2018. С. 16, тип S5). Вторая монета – пул Золотой Орды (рис. 2, 2), отчеканенный в г. Сарай в период правления Узбека (721 г.х. (1321 г.), вес 1.55 г) (см. Федоров-Давыдов, 2003. С. 167. Табл. 1, 14).

Восточная керамика – фрагменты краснолещеных изделий с нарезным орнаментом в виде “вьющегося стебля” (рис. 2, 4; 2 экз.: НН № 9, 25) и осколок кашинного сосуда из Ирана (1 экз.: НН № 36). Указанный орнамент наиболее часто

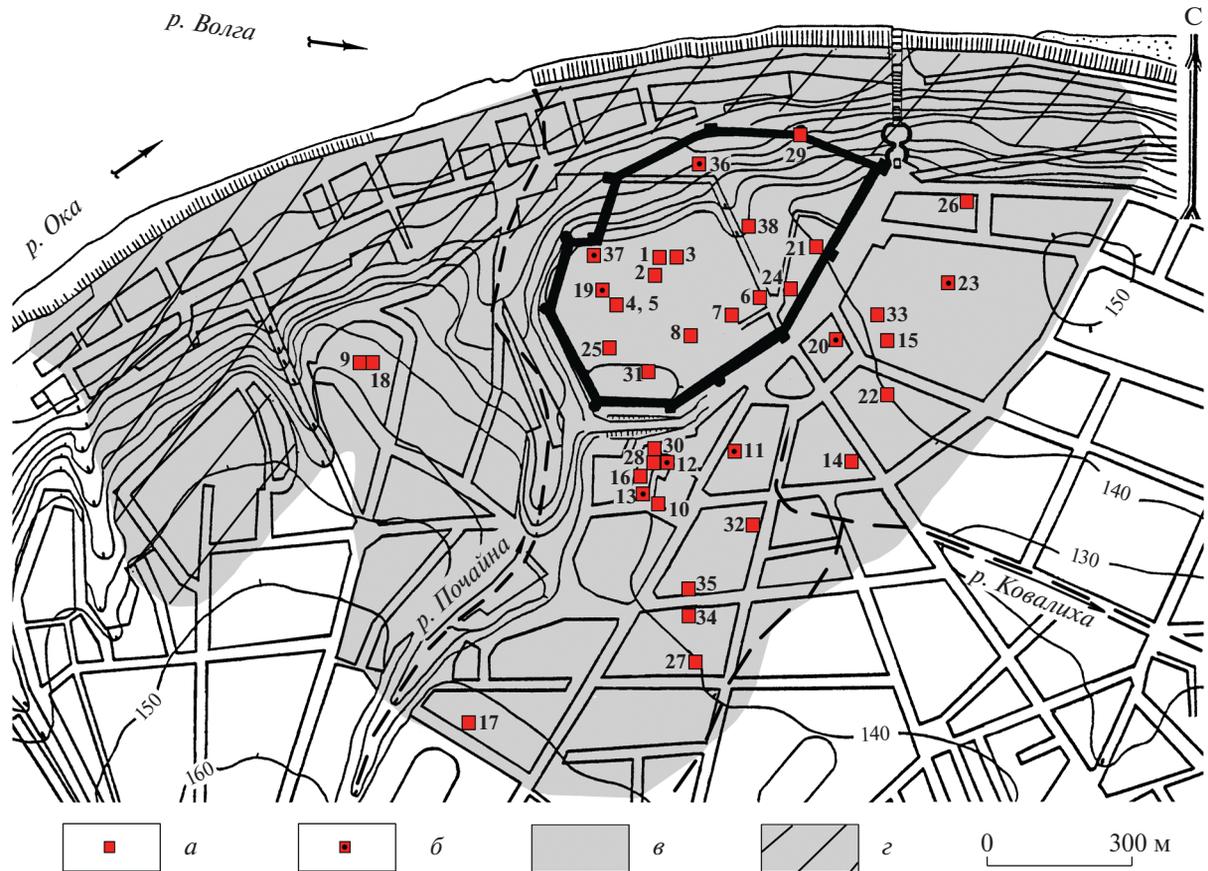

Рис. 4. Карта объектов археологических исследований в Нижнем Новгороде с находками XIII—начала XIV в. 1 — раскоп в храме Михаила Архангела, 1960 г.; 2 — у храма Михаила Архангела, раскоп 1964 г.; 3 — у храма Михаила Архангела, раскоп 1973 г.; 4, 5 — раскопы 1977 г. (4) и 1979 г. (5) у корпуса № 2; 6–8 — раскопы 1 (6), 2 (7), 3 (8) 1989 г. у корпусов № 7–9; 9 — пер. Крутой, раскоп 1, 1991 г.; 10 — пл. Театральная, наблюдение, траншея, 1992 г.; 11 — ул. Б. Покровская, 4, раскоп 1992 г.; 12 — пл. Театральная, раскоп 1, 1997 г.; 13 — пл. Театральная, раскоп 3, 1997 г.; 14 — ул. Варварская, 3, шурф 1997 г.; 15 — ул. Ульянова, д. 6, шурф 1997 г.; 16 — ул. Пожарского, д. 18, раскоп 1998 г.; 17 — пер. Университетский, раскоп 1998 г.; 18 — пер. Крутой, раскоп 1, 1999 г.; 19 — корпус 1А, раскоп 2001–2002 гг.; 20 — пл. Минина, раскопы 2005 г.; 21 — корпус 6, раскоп 2007 г.; 22 — ул. Варварская, 4, 6, раскоп 2007 г.; 23 — ул. Минина, д. 1А, раскоп 2007 г.; 24 — корпус 6, раскоп 2008 г.; 25 — корпус 12, раскоп 2008 г.; 26 — Верхне-Волжская набережная, 2А, раскоп 2008 г.; 27 — ул. Грузинская, 28, 30, 38А, раскоп 2008 г.; 28 — пл. Театральная — ул. Пожарского, раскоп 2011 г.; 29 — Зачатьевская башня, шурфы 2011 г.; 30 — ул. Пожарского, 12 — пл. Театральная, 1, раскоп 2013 г.; 31 — Никольская башня, шурф 2, 2014 г.; 32 — ул. Алексеевская, 13Б, раскоп 1, 2014 г.; 33 — пл. Минина, 4, раскоп 2015 г.; 34 — ул. Октябрьская, 11А, 13, раскоп 2016 г.; 35 — ул. Октябрьская, 10А, раскоп 2017 г.; 36 — храм Святого Симеона Столпника, раскоп 1, 2018 г.; 37 — Часовая башня, раскоп 2019 г.; 38 — колокольня Спасо-Преображенского собора, раскоп 2019 г. Условные обозначения: *a* — места обнаружения инвентаря, выходящего из обихода к началу—середине XIV в.; *б* — раскопы с орудиями, датированными до середины XIV в.; *в* — территория средневекового города XIII—начала XV в. по распространению керамики; *г* — плохо изученные районы средневекового города (без раскопок на участках со средневековыми объектами и слоем).

Fig. 4. Map of archaeological research objects in Nizhny Novgorod with finds from the 13th—early 14th centuries (1–38)

встречается на посуде г. Болгар из слоев, датированных до середины XIV в. (Кокорина, 2002. С. 198. Рис. 104в, № 71). Фрагмент кашинного сосуда происходит от тонкостенного изделия с двухсторонней прозрачной бесцветной поливой и подглазурной полихромной росписью, передающей голову человека с явными монголоидными чертами — широким округлым лицом, узким разрезом глаз (рис. 2, 3). Над головой человека желтоватосерой линией обозначен ободок нимба. Сохранив-

шее живописное изображение напоминает роспись “королевского стиля” сосудов “минаи” конца XII — начала XIII в. (Коваль, 2010. С. 50).

Общее количество выделенных наиболее ранних находок — 135 (Нижний Новгород: 55, сельские памятники: 80). Их дополняют образцы **русской посудной керамики**, исчезающие к началу первой половине XIV в. Это две группы горшков со специфическими формами горловин и сосуды, украшенные прокаткой зубчатого колесика.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов угля из раскопа 1 (2018 г.) в зоне воссоздания храма Симеона Столпника в Нижегородском кремле**Table 1.** Results of radiocarbon dating of coal samples from excavation site 1 (2018) in the reconstruction area of the St. Simeon the Stylite Church in the Nizhny Novgorod Kremlin

Лабораторный номер	Место отбора	Возраст	Калиброванная дата, 1σ	Калиброванная дата, 2σ
ГИН 16047	Канавка 1, кв. 16	850 ± 30	1163–1220 (вероятность 1.00)	1153–1261 (вероятность 0.90)
ГИН 16048	Слой 7в, кв. 10, пл. 7	820 ± 30	1208–1260 (вероятность 0.98)	1165–1265 (вероятность 0.95)
ГИН 16049	Слой 7в, кв. 16-20, пл. 7	920 ± 30	1044–1100 (вероятность 0.62)	1028–1184 (вероятность 0.95)

Горшки первой группы (рис. 3, 5–10) отличаются отогнутыми наружу почти под прямым углом венчиками с краевым утолщением округлого или округло-угловатого сечения на внутренней стороне. Сосуды с таким “эсовидным” профилем горловины – наиболее распространенного общерусского типа XII–XIII вв. – широко представлены в домонгольских комплексах Старой Рязани (тип 5А, см. Стрикалов, 1996. С. 151, 153), Суздаля (Лапшин, 1992. С. 97) и других древнерусских городов. В Нижнем Новгороде и на расположенных поблизости селищах заметное присутствие таких изделий (до 29%) зафиксировано только в наиболее ранних комплексах с инвентарем, выходящим из употребления вскоре после монгольского нашествия (Грибов, 2006. С. 70. Рис. 7, группа 3). В местных керамических наборах середины XIV – начала XV в. они неизвестны.

Горшки второй группы (рис. 3, 11–15) объединяют сосуды с высокой цилиндрической или слегка раструбообразно расширенной горловиной. Их датировка не заходит далее начала XIII в. (Коваль, 1996. С. 107). Это горшки группы III Владимира (Кадиева, 2003. С. 317. Рис. 1, 5, 6), типа VIА Суздаля (Лапшин, 1992. С. 96, 97), типов 2 и 3 Старой Рязани (Стрикалов, 1996. С. 151). В Нижнем Новгороде их фрагменты крайне редки, происходят из сооружений середины XIII – начала XIV в. (Грибов, 2006. С. 66. Рис. 7, группа 26).

Орнамент, нанесенный зубчатым колесиком (рис. 3, 1–4), в районе устья р. Ока зафиксирован на сосудах из комплексов, сложившихся только до начала XIV в. (Грибов, 2006. С. 80. Табл. 4).

В Нижнем Новгороде фрагменты горшков первой группы зафиксированы на 23 объектах: № 1–3, 6, 8, 8, 9, 11–13, 17–20, 22, 23, 25, 27, 31, 34–38; второй – на 9 объектах: № 1, 3, 12, 13, 15, 19, 20; фрагменты сосудов, украшенных прокаткой колесика, – на 15 объектах: № 2, 3, 9, 11, 12, 14, 17–21, 24, 29, 30, 36 (рис. 4). Подобные находки обнаружены на всех сельских поселениях (кроме селища Подвязье 4 с малочисленным керамическим материалом), отмеченных на рис. 5.

Результаты картирования наиболее ранних образцов керамики и вещевых находок можно использовать для оценки динамики освоения города и территории сельской округи.

Большая часть ранних находок тяготеет к крепости 1221 г. и участкам, непосредственно прилегающим к ней извне (рис. 4). Территория города Юрия Всеволодовича маркируется остатками линии обороны в виде археологически зафиксированных следов земляного вала и рва, локально отмеченных еще на планах XVIII в. (Грибов, 2018а. С. 427. Рис. 2). Первые нижегородские укрепления очерчивали участок возвышенного плато Волго-Окского правобережья при устье р. Почайна (рис. 6). С напольной стороны они были вписаны в существующий мезорельеф: ров соединял два небольших насыпанных ныне оврага, прорезающих верхнюю часть волжского откоса и борт Почайнского оврага. Городской план имел двуцентричную структуру: впадина Ивановского оврага разделяла город на две части – западную, большую (5.5 га) и восточную, меньшую (2 га) (Грибов, 2018а. С. 24).

Археологические данные не подтверждают широко растиражированную в краеведческой литературе версию о городе-предшественнике Нижнего Новгорода (Пудалов, 2003. С. 80–103). Строительство города 1221 г. проходило, скорее всего, в пустынной или слабозаселенной местности. На это указывают контекст обнаружения наиболее раннего инвентаря, не образующего отдельных комплексов в черте средневекового города, и отсутствие культурного слоя под насыпью вала первой нижегородской крепости (Гусева, 1997. С. 83). Летописной дате основания города в целом не противоречат радиоуглеродные датировки углей из самой ранней частокольной канавки и нижней прослойки средневекового культурного слоя, вскрытого на раскопе 1 2018 г. в нижней части Нижегородского кремля в районе церкви Симеона Столпника (табл. 1).

За стенами крепости 1221 г. селитебная территория стала заметно прирастать, вероятно, уже в

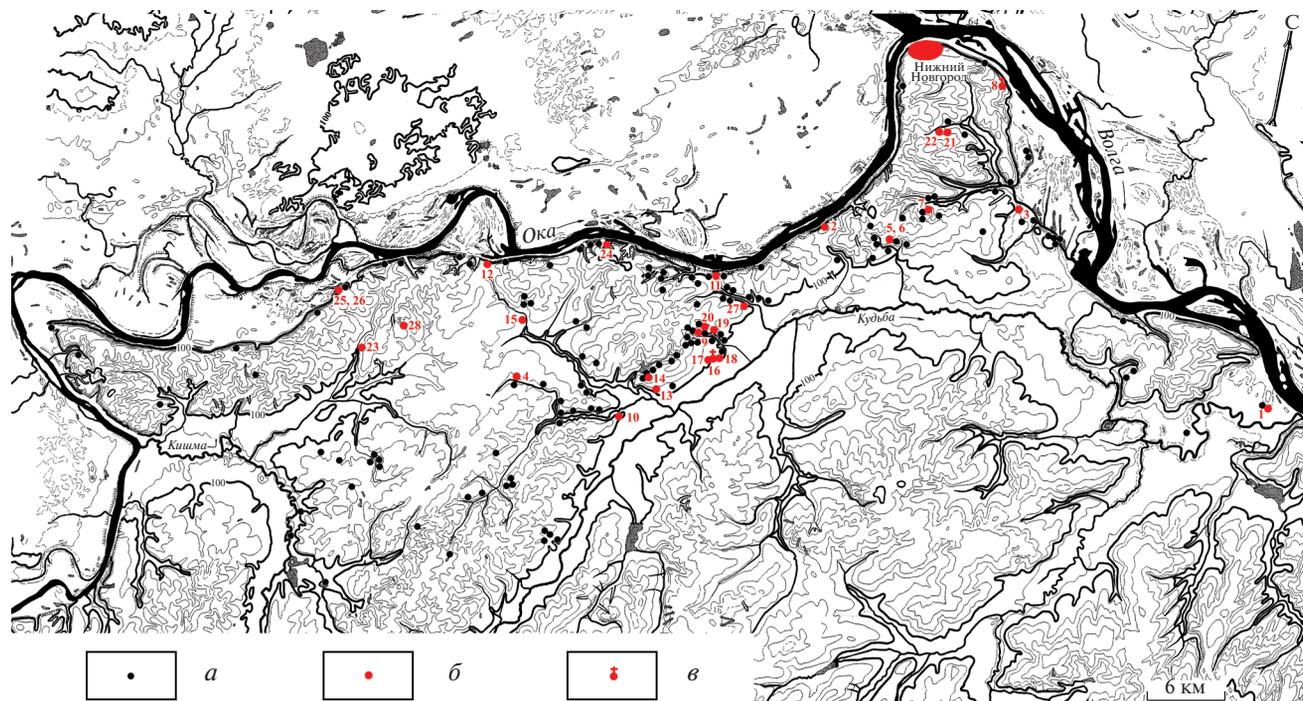

Рис. 5. Карта памятников Нижегородской области с находками XIII—начала XIV в. 1 — поселение Безводное 25; 2 — селище Береговые Новинки; 3 — поселение Большая Ельня 6; 4 — селище Богородск 3; 5 — селище Бешенцево 2; 6 — поселение Бешенцево 3; 7 — селище Ближнее Константиново 1; 8 — могильник Больница им. Н.А. Семашко; 9 — поселение Бурцево 1; 10 — селище Великосельево 1; 11 — поселение Доскино 10; 12 — селище Дуденёво 1; 13 — селище Ефимьево 1; 14 — местонахождение Ефимьево; 15 — селище Заозёрье 1; 16 — могильник Копнино 1; 17 — селище Копнино 2; 18 — селище Копнино 3; 19 — селище Крутец 1А; 20 — селище Крутец 4; 21 — селище Кузнечиха 3; 22 — селище Кузнечиха 4; 23 — поселение Непецино 1; 24 — селище Оленоно 3; 25 — поселение Подвязье 1; 26 — селище Подвязье 3; 27 — селище Сартаково 3; 28 — селище Швариха 1. Условные обозначения: *a* — селища XIII—начала XV в.; *b* — селища с находками XIII—начала XIV в.; *v* — могильники.

Fig. 5. Map of sites in Nizhny Novgorod vicinity with finds from the 13th – early 14th centuries (1–28)

середине—второй половине XIII в. По крайней мере все основные освоенные в средневековые районы Верхнего посада начали формироваться еще до появления князей суздальской династии (рис. 4). На правом берегу р. Почайна “домонгольский” инвентарь обнаружен не только в непосредственной близости от первых городских укреплений, но и на удаленных участках, разделенных засыпанными оврагами, по которым протекали ручьи-истоки небольшой р. Ковалиха. Массовый керамический материал в местах раскопок с такими находками, как правило, содержит венчики горшков “общерусского типа”, стенки сосудов со следами прокатки зубчатого колесика. На левом берегу р. Почайна предметы, исчезающие к середине XIV в., найдены на раскопе 1999 г. в пер. Крутой.

Результаты картирования свидетельствуют о том, что уже к середине XIV в. пределы освоенного городского пространства были близки границам города, намеченным по распространению керамики широкого хронологического диапазона XIII—начала XV в.

Достаточно динамично до середины XIV в. развивалась сельская округа, входившая вместе с городом в один ландшафтный район летописного Березова Поля. Этот участок возвышенного плато Волго-Окского правобережья очерчен долинами Оки, Волги, их малых притоков — рек Кишма и Кудьма. Территория Березова Поля образует полосу шириной от 5 до 25 км, вытянутую с запада на восток почти на 90 км вдоль течения Оки и Волги (рис. 5). Ее площадь — около 1200 км². Этот район — один из наиболее археологически изученных в Нижегородском Поволжье (краткое изложение истории исследований см. Грибов, 2018а. С. 241, 242). Здесь известно 162 русских селища, 2 могильника и 9 местонахождений с материалами XIII—начала XV в. На 47 памятниках проведена шурфовка, на 9 селищах — раскопки.

Инвентарь, исчезающий из обихода до середины XIV в., обнаружен на 26 селищах, 1 местонахождении, 2 могильниках. На 5 селищах зафиксированы сооружения указанного временного промежутка, на 2 — отдельные ранние находки, на 19 селищах и местонахождении — ранние образцы керамической посуды.

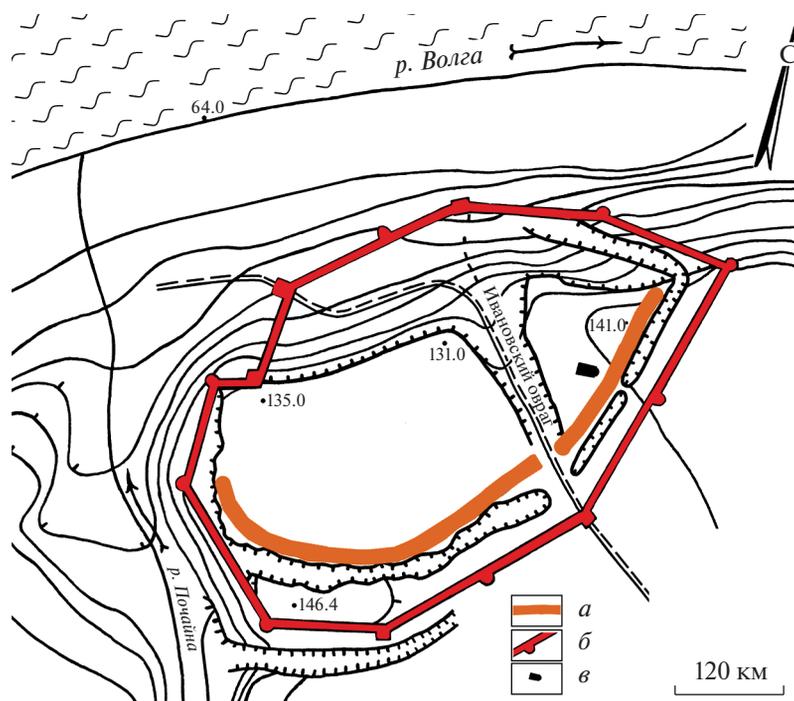

Рис. 6. План Нижегородской крепости 1221 г. (реконструкция). Условные обозначения: *а* – вал; *б* – Нижегородский кремль начала XVI в.; *в* – Спасский собор 1225 г.

Fig. 6. Plan of the Nizhny Novgorod fortress of 1221 (reconstruction)

В настоящее время только одно поселение Березова Поля может быть датировано домонгольским периодом. Оно обозначено двумя разделенными ручьем объектами – селищем Подвязье 3 и поселением Подвязье 1, расположенными в 43 км от Нижнего Новгорода вверх по р. Ока (Грибов, 2018б). По составу керамики эти памятники заметно отличаются от других березопольских селищ заметным присутствием фрагментов изделий из беложгущейся глины, доля которых достигает 15%. Эта особенность, столь нехарактерная для нижегородских средневековых комплексов, – одна из знаковых черт посуды домонгольского Муром (Базунов, 2020. С. 17). Датированные находки из памятников у д. Подвязье представлены инвентарем, выходящим из употребления в XIII в. Это шиферное пряслице, фрагменты бусин – стеклянной зонной прозрачной фиолетовой и крупной шарообразной из горного хрусталя, фрагмент бронзового щитковосрединного перстня с круглым гладким щитком.

Результаты радиоуглеродного датирования четырех образцов угля из перекрытого оползнем средневекового слоя селища Подвязье 3 указывают на то, что поселение могло функционировать во время основания Нижнего Новгорода и в течение первых десятилетий его существования (табл. 2). Обращаясь к событиям на Нижней Оке в период монгольского нашествия, есть основания полагать, что данное поселение вряд ли мог-

ло уцелеть после рейда отряда завоевателей 1239 г. (Полное собрание..., 1997. Стб. 469, 470). Судя по составу керамики, можно предположить, что поселение у д. Подвязье было одним из самых восточных населенных пунктов периферии сельской округи домонгольского г. Муром.

Наиболее ранние нижегородские селища выделяются по особенностям керамики (Грибов, 2006. С. 70, 71). Среди собранного на них инвентаря “домонгольского” облика, как правило, встречаются хотя бы единичные предметы эпохи Золотой Орды (Грибов, 2017. С. 70).

К наиболее ранним памятникам Нижегородской округи относятся два сельских могильника. Дневная поверхность в местах их расположения сильно изменена за последнее столетие, что делает невозможной их однозначную атрибуцию как курганных или грунтовых. На могильнике Копнино 1 изучено одно инвентарное погребение, на могильнике у нижегородской больницы им. Н.А. Семашко – три погребения с инвентарем. Предположению о функционировании этих памятников до монгольского нашествия противоречат датировки окружающих сельских поселений. В женском погребении, изученном у д. Копнино, выявлены остатки убора, состоявшие из ожерелка на берестяной основе с остатками серебряных дробниц и ткани со следами золотого шитья, парных проволочных перстнеобразных височных колец, бронзовых рубчатого перстня и

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного датирования образцов угля из перекрытого оползнем средневекового слоя селища Подвязые 3 (шурф 1, 2017 г.)

Table 2. Results of radiocarbon dating of coal samples from the medieval layer of the Podvazyze 3 settlement covered by a landslide (test pit 1, 2017)

Лабораторный номер	Место отбора	Возраст	Калиброванная дата, 1σ	Калиброванная дата, 2σ
Ki-19492	Кв. 1, слой 4	790 ± 40	1219–1268 (вероятность 1.00)	1174–1281 (вероятность 1.00)
Ki-19493	—"	1070 ± 50	948–1018 (вероятность 0.78)	861–1042 (вероятность 0.98)
Ki-19494	—"	890 ± 30	1152–1208 (вероятность 0.60)	1117–1216 (вероятность 0.64)
Ki-19495	—"	820 ± 50	1179–1263 (вероятность 1.00)	1150–1281 (вероятность 0.91)

плетеного браслета с треугольными стеклянными вставками на концах (Аникин, 2005). Тяготеющее к памятнику селище (Копнино 3), судя по небольшим размерам (3500 м²), осталось от малодворного поселения (Грибов, 2007а). В инвентаре из его раскопок присутствуют предметы, появившиеся как в начале, так и в конце XIII в., — ключ типа В1 и железная спица-булавка от ручной прялки.

Распространение сельских памятников с находками раннего инвентаря указывает на то, что уже к середине XIV в. в окрестностях Нижнего Новгорода сложилась разветвленная сеть поселений, охватившая не только побережья крупных и малых рек, но и водораздельные пространства. Заселение водоразделов началось вскоре после основания города — единовременно с освоением речных долин. Кроме отдельных находок раннего инвентаря, сделанных при разведочном обследовании ряда водораздельных памятников (Крутец 1А, Бурцево 1, Заозерье 1, Непецино 1 и др.), это доказывают материалы раскопок нескольких сооружений XIII—начала XIV в. на водораздельном поселении Бешенцево 3 (Грибов, 2007б. С. 61–64).

Сельская округа Нижнего Новгорода охватывала значительную территорию на Волго-Окском правобережье еще до передачи города суздальским князьям. Ее протяженность с запада на восток составляла минимум 70 км — от берегов правобережных притоков р. Кишма до устья р. Кудьма. Многие из крупнейших сельских поселений эпохи Нижегородско-Суздальского княжества, как показали раскопки на поселении Бешенцево 3 и селище Ближнее Константиново 1, были основаны еще в XIII—начале XIV в. Освоение Березова Поля в середине—второй половине XIV в. произошло, очевидно, уже в форме внутренней колонизации. Значительная часть урочищ вблизи города к этому времени была уже заселена и введена в сельскохозяйственный оборот.

К середине XIV в. в окрестностях устья р. Ока сложился компактный заселенный район. К этому времени на территории его городского центра уже были намечены основные селитебные места — как минимум отдельными “пятнами” застроенных участков. Все это свидетельствует о заметном росте населенности края уже в первом столетии после основания Нижнего Новгорода.

Одним из важнейших факторов развития города стало образование в последней четверти XIII в. удельного Городецкого княжества. Нижний Новгород входил в него, вероятно, на правах “пригорода” столичного Городца-на-Волге (Пудалов, 2004. С. 133). Борьба за “великий стол” Андрея городецкого сопровождалась приводом татарских ратей во Владимирскую землю, что стало причиной ухода части населения в периферийные районы (см. сообщение о приросте населения г. Тверь во время Дедюновой рати: Полное собрание..., 2007. С. 82). Маршруты татарских отрядов обходили стороной владения городецкого князя, и, наверное, многие из переселенцев перебрались тогда и в район окского устья. В этой связи возрождение Нижнего Новгорода после Батыева нашествия следует связывать, скорее, с эпохой Андрея городецкого, чем со временем правления суздальских князей.

Важнейшей предпосылкой интенсивного развития Нижнего Новгорода и его округа стало формирование в середине XIII в. новой системы международных коммуникаций, в которой существенная роль отводилась Волжскому пути. В середине—второй половине XIII в. водный путь из Северо-Восточной Руси в Орду был наиболее удобным и безопасным (Пудалов, 2004. С. 94). Нижний Новгород в это время стал местом сбора князей, отбывавших в ханскую ставку (Полное собрание..., 1997. Стб. 474).

Следует отметить, что до начала XIV в. временной резиденцией ханов Золотой Орды служил

Болгар — ближайший к Нижнему Новгороду город на Средней Волге, который в это время был известен еще и как крупнейший торгово-экономический центр всего Поволжья (Егоров, 2009. С. 248). Наиболее ранним материальным свидетельством коммуникации между Нижним Новгородом и золотоордынским Болгаром является медная монета каана Мунке, привезенная в город на окском устье еще в 50-х—первой половине 60-х годов XIII в. (рис. 2, 1)¹¹. Наверное, уже тогда в Нижний Новгород через Болгар поступали отдельные виды сырья для ремесленного производства: в нижней прослойке средневекового горизонта (XIII—начала XIV в.), вскрытого в нижней части Нижегородского кремля, среди отходов косторезной мастерской найдено два фрагмента рога сайгака со следами спилов¹².

Согласно ряду письменных свидетельств, уже в третьей четверти XIII в. по волжской магистрали пролегли маршруты дальней торговли. Одно из них — предписание хана Менгу-Тимура Ярославу Ярославовичу тверскому “дать путь” немецким купцам по его волости (Грамоты..., 1949. С. 57, № 30). поэтапная форма дальней торговли предполагала наличие перевалочных пунктов для временного хранения товаров. Конечными, а значит важнейшими, пунктами волжского участка международного торгового пути по русским землям были Тверь и Нижний Новгород. У Твери к Волге выходила дорога на Великий Новгород, из Нижнего Новгорода начинался отрезок речного пути в Орду. Может быть, поэтому эти города после разорительного монгольского нашествия достаточно быстро обрели необходимые ресурсы для борьбы за политическое лидерство.

По темпам развития Нижний Новгород отстал от Твери (Лапшин, 2009. С. 198—201). Если Тверь была построена в уже освоенной местности, то Нижний Новгород — там, где до основания города славяно-русское население отсутствовало. Это обстоятельство, очевидно, не могло не сказаться на темпах роста населения края и, соответственно, на интенсивности его развития.

Автор выражает признательность А.Н. Свиридову и Т.А. Марьёнкиной за возможность публикации отдельных находок из раскопок в Нижегородском кремле 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин И.С. Древнерусский сельский грунтовый могильник в бассейне р. Кудьма // Нижегородские

¹¹Медные монеты г. Болгар полностью выходят из обращения к началу правления Менгу-Тимура (с 1266 г.) (Бугарчев, Петров, 2018. С. 189).

¹²Раскоп 1 (2018 г.) в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника. Видовое определение костей выполнено канд. биол. наук Е.Е. Антипиной.

исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2005. С. 13—26.

Архинов Г.А. Марийцы XII—XIII веков (к этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1986. 164 с.

Базунов А.В. О соотношении гончарной керамики из бело- и красножгущегося сырья из заполнений древнерусских ям г. Муром (по работам 2016 и 2018 гг.) // Культурный слой. Вып. 6. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2020. С. 13—25.

Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). Муром: Изд-во Московского психолого-социолог. ин-та, 2005. 275 с.

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII — первой трети XIV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани Акад. наук Республики Татарстан, 2018. 336 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.

Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2006. С. 62—91.

Грибов Н.Н. Исследования в окрестностях Нижнего Новгорода // Археологические открытия 2005 года. М.: Наука, 2007а. С. 131—133.

Грибов Н.Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII — XIV в. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимир-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2007б. С. 58—67.

Грибов Н.Н. Сопредельные земли Гороховецкой волости на правом берегу Оки: основные вехи средневекового освоения // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII—XVII вв.: история и археология / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2017. С. 63—74.

Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018а (Материалы спасательных археологических исследований; т. 24). 592 с.

Грибов Н.Н. Отчет об археологической разведке в Богородском районе Нижегородской области в 2017 году // Архив ИА РАН. 2018б. Р-1. № 57622.

Гусева Т.В. Городец и Нижний Новгород в свете археологических данных // Проблемы истории и творческого наследия С.И. Архангельского. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитар. центр, 1997. С. 82—84.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.: URSS, 2009. 248 с.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Кадиева Е.К. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII—XIII века (по материалам раскопок 1993—1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке: древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 315—339.

- Коваль В.Ю.* Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.: Музей истории города Москвы, 1996. С. 103–133.
- Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII веков. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV века (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории Акад. наук Республики Татарстан, 2002. 383 с.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Кудрявцев А.А.* Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // Российская археология. 2012. № 4. С. 119–124.
- Кузина И.Н.* Стекланные изделия из раскопок в квартале 13 города Владимира в 2006 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2007. С. 128–133.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 352 с.
- Лапшин В.А.* Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.
- Лапшин В.А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Фак. филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. 540 с.
- Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 29–98.
- Мартьянов В.Н.* Древняя история Арзамасского края. Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т, 2004. 443 с.
- Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-36). 182 с.
- Медынцева А.А.* Эпиграфика, писала (стили) и черы // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 140–152.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
- Полубояринова М.В.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА РАН, 1991. 112 с.
- Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. М.: Богородский печатник, 1998. 496 с.
- Пудалов Б.М.* Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003. 216 с.
- Пудалов Б.М.* Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2004. 248 с.
- Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука, 1981 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-60). 124 с.
- Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1959. 236 с.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Стрикалов И.Ю.* Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна / Науч. ред. И.В. Белоцерковская, В.П. Челяпов. Рязань: Науч.-произв. центр по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1996. С. 146–159.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
- Шапова Ю.Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1 / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55). С. 164–179.

NIZHNY NOVGOROD IN THE 13th–EARLY 14th CENTURY: THE TOWN AND ITS VICINITY BEFORE THE FORMATION OF THE GRAND DUCHY OF NIZHNY NOVGOROD-SUZDAL

Nikolay N. Gribov^{a, #}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#] E-mail: nnhora@yandex.ru

The article summarizes the archaeological data on Nizhny Novgorod and sites of its rural vicinity up to the mid-14th century. The author identifies inventory that had disappeared from the local use by the said chronological milestone. The results of inventory mapping indicate a noticeable growth of the urban residential area outside the walls of the fortress of 1221 and the formation of the main areas of rural settlement in the urban vicinity even before the city was transferred to the possession of Suzdal princes. Many of the largest rural settlements of the period of the Nizhny Novgorod-Suzdal principality were founded as early as in the 13th–early 14th century. Archaeological data show a noticeable increase in the population of the region already within

the first centenary following the foundation show a significant increase of Nizhny Novgorod. An assumption is made about the decisive importance that the formation of a new system of international communications had for the development of the town in the Oka estuary in the middle of the 13th century.

Keywords: the Oka estuary area, the Volga-Oka right bank, Nizhny Novgorod, urban development, rural areas, the Golden Horde period.

REFERENCES

- Anikin I.S.*, 2005. A Rus rural ground cemetery on the river Kudma. *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkhologii* [Studies in local history and archaeology in Nizhny Novgorod], 9. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, pp. 13–26. (In Russ.)
- Arkhipov G.A.*, 1986. Mariytsy XII–XIII vekov (k etnokul'turnoy istorii Povetluzh'ya) [The Mari of the 12th–13th centuries (to the ethnocultural history of the Vetluga River region)]. *Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo*. 164 p.
- Bazunov A.V.*, 2020. On the ratio of wheel-made pottery made of white- and red-burning raw materials from the fillings of Rus pits in Murom (based on the works in 2016 and 2018). *Kul'turnyy sloy* [Cultural layer], 6. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 13–25. (In Russ.)
- Beylekchi V.V.*, 2005. Drevnosti letopisnoy muromy (pogrebal'nyy obryad i poseleniya) [Antiquities of the recorded Muromians (burial rite and settlements)]. *Murom: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsiologicheskogo instituta*. 275 p.
- Bugarchev A.I., Petrov P.N.*, 2018. Monetnye klady Bulgarskogo vilayata XIII – pervoy treti XIV v. [Coin hoards of Bulgar Wilayah of the 13th–first third of the 14th century]. *Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan*. 336 p.
- Egorov V.L.*, 2009. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv. [Historical geography of the Golden Horde in the 13th–14th]. *Moscow: URSS*. 248 p.
- Fedorov-Davydov G.A.*, 2003. Denezhnoe delo Zolotoy Ordy [Coinage of the Golden Horde]. *Moscow: Paleograf*. 352 p.
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. *Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR*, 1949. 408 p.
- Gribov N.N.*, 2006. Chronology of pottery complexes from Rus settlements of the Golden Horde period (based on materials from the sites in the Oka estuary). *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkhologii* [Studies in local history and archaeology in Nizhny Novgorod], 10. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, pp. 62–91. (In Russ.)
- Gribov N.N.*, 2007a. Investigation in the vicinity of Nizhny Novgorod. *Arkhologicheskie otkrytiya 2005 goda* [Archaeological discoveries of 2005]. *Moscow: Nauka*, pp. 131–133. (In Russ.)
- Gribov N.N.*, 2007b. Preliminary results of studying a Rus settlement of the second half of the 13th–14th century on the outskirts of Nizhny Novgorod. *Arkhologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminarina* [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of the scientific seminar], 1. *Moscow: IA RAN*, pp. 58–67. (In Russ.)
- Gribov N.N.*, 2017. Adjacent lands of the Gorokhovets volost (district) on the Oka right bank: milestones of medieval development. *Gorokhovets i zemli Oksko-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya v XII–XVII vv.: istoriya i arkhologiya* [Gorokhovets and the lands of the Oka-Klyazma interfluvium in the 12th–17th centuries: history and archaeology]. *N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN*, pp. 63–74. (In Russ.)
- Gribov N.N.*, 2018a. Nizhny Novgorod v XV veke: poiski utrachenogo goroda [Nizhny Novgorod in the 15th century: search for the lost city]. *Moscow: IA RAN*. 592 p. (Materialy spasatel'nykh arkhologicheskikh issledovaniy, 24).
- Gribov N.N.*, 2018b. Otchet ob arkhologicheskoy razvedke v Bogorodskom rayone Nizhegorodskoy oblasti v 2017 godu [Report on archaeological survey in Bogorodsk district of Nizhny Novgorod Region in 2017]. *Arkhiv Instituta arkhologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1, № 57622.
- Guseva T.V.*, 1997. Gorodets and Nizhny Novgorod in the light of archaeological data. *Problemy istorii i tvorcheskoe nasledie S.I. Arkhangel'skogo* [Issues of history and the creative heritage of S.I. Arkhangel'sky]. *Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy gumanitarnyy tsentr*, pp. 82–84. (In Russ.)
- Kadieva E.K.*, 2003. Pottery from an urban estate in Vladimir of the late 12th–13th centuries (based on materials from the 1993–1998 excavations in quarter 22). *Rus' v XIII veke: drevnosti temnogo vremeni* [Rus in the 13th century: antiquities of the dark age]. *N.A. Makarov, A.V. Chernetsov, eds. Moscow: Nauka*, pp. 315–339. (In Russ.)
- Kokorina N.A.*, 2002. Keramika Volzhskoy Bulgarii vtoroy poloviny XI – nachala XV veka (K probleme preemstvennosti bulgarskoy i bulgaro-tatarskoy kul'tur) [The Volga Bulgaria pottery of the second half of the 11th–early 15th century (to the problem of continuity of the Buglar and Bulgar-Tatar cultures)]. *Kazan': Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan*. 383 p.
- Kolchin B.A.*, 1982. Chronology of Novgorod antiquities. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda* [Novgorod collected papers. 50 years of excavations in Novgorod]. *B.A. Kolchin, V.L. Yanin, eds. Moscow: Nauka*, pp. 156–177. (In Russ.)
- Koval V.Yu.*, 1996. Pottery from Rostislavl of Ryazan: issues of chronology. *Trudy Muzeya istorii goroda Moskvy* [Proceedings of the Museum of Moscow History], 9. *Arkhologicheskie pamyatniki Moskvy i Podmoskov'ya* [Archaeological sites of Moscow and Moscow vicinity]. *Moscow: Muzei istorii goroda Moskvy*, pp. 103–133. (In Russ.)
- Koval V.Yu.*, 2010. Keramika Vostoka na Rusi IX–XVII vekov [Pottery from the Orient in Rus of the 9th–17th centuries]. *Moscow: Nauka*. 269 p.

- Kuchkin V.A.*, 1984. Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. [Formation of the state territory of North-Eastern Rus in the 10th–14th centuries]. Moscow: Nauka. 352 p.
- Kudryavtsev A.A.*, 2012. Chronology of the locks and keys from medieval Novgorod (based on materials from the Nerevsky excavation site). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. 119–124. (In Russ.)
- Kuzina I.N.*, 2007. Glass objects from the 2006 excavations in quarter 13 of Vladimir. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of the scientific seminar], 1. Moscow: IA RAN, pp. 128–133. (In Russ.)
- Lapshin V.A.*, 1992. Pottery scale of pre-Mongol Suzdal. *Drevnerusskaya keramika* [Pottery of Rus]. S.A. Pletneva, ed. Moscow: IA RAN, pp. 90–102. (In Russ.)
- Lapshin V.A.*, 2009. Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) [Tver in the 13th–15th centuries (based on materials from excavations in 1993–1997)]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 540 p.
- Lesman Yu.M.*, 1990. Chronology of Novgorod jewelry (10th–14th centuries). *Materialy po arkheologii Novgoroda* [Materials on Novgorod archaeology], 1988. Moscow: IA AN SSSR, pp. 29–98. (In Russ.)
- Mart'yanov V.N.*, 2004. *Drevnyaya istoriya Arzamasskogo kraja* [Early history of the Arzamas land]. Arzamas: Arzamasskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 443 p.
- Medvedev A.F.*, 1966. Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. [Hand throwing weapons (bow and arrows, crossbow) of the 8th–14th centuries]. Moscow: Nauka. 182 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-36).
- Medyntseva A.A.*, 1997. Epigraphy, stylus and cerae. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* [Rus. Life and culture]. B.A. Kolchin, T.I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 140–152. (Arkheologiya). (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [The complete collection of Russian chronicles], 1. Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. 733 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [The complete collection of Russian chronicles], 18. Simeonovskaya letopis' [Simeon's Chronicle]. Moscow: Znak, 2007. 328 p.
- Poluboyarinova M.V.*, 1991. *Ukrasheniya iz tsvetnykh kamney Bolgara i Zolotoy Ordy* [Adornments made of gemstones from Bolgar and the Golden Horde]. Moscow: IA RAN. 112 p.
- Presnyakov A.E.*, 1998. *Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva* [Formation of the Great Rus state]. Moscow: Bogorodskiy pechatnik. 496 p.
- Pudalov B.M.*, 2003. Nachal'nyy period istorii drevneyshikh russkikh gorodov Srednego Povolzh'ya (XII–pervaya tret' XIII v.) [The early period of the history of the most ancient Rus towns in the Middle Volga region (12th–first third of the 13th century)]. Nizhniy Novgorod: Komitet po delam arkhivov Administratsii Gubernatora Nizhegorodskoy oblasti. 216 p.
- Pudalov B.M.*, 2004. Russkie zemli Srednego Povolzh'ya (vtoraya tret' XIII –pervaya tret' XIV v.) [Russian lands of the Middle Volga region (the second third of the 13th–first third of the 14th century)]. Nizhniy Novgorod: Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoy oblasti. 248 p.
- Ryabinin E.A.*, 1981. Zoomorfnye ukrasheniya Drevney Rusi X–XIV vv. [Zoomorphic adornments of Rus of the 10th–14th centuries]. Leningrad: Nauka. 124 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-60).
- Sakharov A.M.*, 1959. *Goroda Severo-Vostochnoy Rusi XIV–XV vv.* [Towns of North-Eastern Rus of the 14th–15th centuries]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 236 p.
- Sedova M.V.*, 1981. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of Old Novgorod (10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 196 p.
- Shchapova Yu.L.*, 1956. Glass beads of Old Novgorod. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition], 1. A.V. Artsikhovskiy, B.A. Kolchin, eds. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 164–179. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 55). (In Russ.)
- Strikalov I.Yu.*, 1996. Pottery chronology and the cultural layer of the Southern fortified settlement of Old Ryazan. *Arkheologicheskie pamyatniki Okskogo basseyna* [Archaeological sites of the Oka River region]. I.V. Belotserkovskaya, V.P. Chelyapov, eds. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoy oblasti, pp. 146–159. (In Russ.)
- Zakharov S.D.*, 2004. *Drevnerusskiy gorod Beloozero* [Old Rus town of Beloozero]. Moscow: Indrik. 592 p.